

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В РУССКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

П.Н. Хроменков

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005
geleiter@mail.com

Глубокое понимание фольклора необходимо для представления языковой картины мира, в данном случае русской языковой картины мира. Статья посвящена анализу конфликтного вербального компонента в русской фольклорной традиции на примере волшебных сказок с позиций исследования «языка вражды». К изучению «языка вражды» привели, с одной стороны, исследования в рамках лингвистического анализа различных видов экспрессивной лексики, с другой — развитие общей теории конфликта. В статье рассматривается лексический компонент конфликта, описаны семантические отношения внутри конфликтной ситуации, роль разных частей речи при создании конфликтной ситуации. Анализ проводится методом количественного контент-анализа. Выявлено, что лексика вражды играет роль морального обоснования непримиримой, антагонистической борьбы положительного героя. Понимание роли этого компонента позволяет в большей мере раскрыть мировоззрение народа через лингвокультурологический компонент.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, фольклор, конфликтотенная лексика, семантика, язык вражды

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы генезиса конфликта рассматриваются в рамках различных гуманитарных наук. Более того, история общественной мысли человечества была сопряжена с непрерывающимися попытками осмысления феноменологии конфликтных ситуаций в их широком многообразии. Откуда берутся войны, преступления, межэтнические распри — эти проблемы волновали человечество с незапамятных времен.

Собственная конфликтологическая компонента присутствовала не только в науке, но и иных эпистемологических системах — религии, мифологии, литературе. Развитие междисциплинарной методологии изучения конфликтов привело к формированию самостоятельного направления научного дискурса — конфликтологии, позиционируемой часто в качестве самостоятельной сферы исследований.

Герменевтическое направление общей философской переориентации на анализ языка обусловило в мировой науке с 1960-х гг. актуализацию разработок лексической конфликтологии, перерастающей в лингвоконфликтологию. В широкий научный оборот входит дефиниция «язык вражды» (англ. 'hate speech'). К изучению «языка вражды» привело, с одной стороны, исследование в рамках лингвистического анализа различных видов экспрессивной лексики, с другой — развитие общей теории конфликта. Различные предметные поля исследования феноменологии «языка вражды» разрабатывались впоследствии в трудах широкого ряда представителей зарубежных лингвистических и междисциплинарных школ: Б. Ванакера, К. Тиллмана, Б. Барнетта, Дж. Джошуа, Л. Заплеталовой, Д. Боромиза-Ха-

баши, Т. Ван Дейка, П. Тэйлора, Б. Ван Стакума, Т. Киннея, Б. Маллена, Д. Райс, Дж. Смита, Э. Вебер, Дж. Холландера, С. Бенеш, Д. Бринка, Дж. Дэниэлс, Ш. Тэйлор, К. Хаупта, А. Диаса, И. Иньиго-Мора, Т. Вебба, А. Рихтера, Я. Менгисту, Т. Джея, Р. Брауна, К. Фрэзера и др. Особое внимание в работах по проблематике «языка вражды» уделялось вопросам ксенофобии, культурных и иных дискриминаций, политических противоречий, проявлений ‘hate speech’ в пространстве массовых коммуникаций.

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ»

Для отечественной науки изучение «языка вражды» как самостоятельной предметной линии является сравнительно новым, формирующимся направлением. В его рамках в 1990—2010-х гг. обращают на себя внимание работы В.И. Жельвиса, И.Ю. Черепановой, Т.В. Воронцовой, С.А. Колосова, А.В. Денисовой, А.В. Евстафьевой, В.Н. Степанова и др.

Широкий диапазон исследований «языка вражды» затрагивает также и базовые тексты конкретных этносов, в которых в рафинированной форме представлено мировоззрение того или иного народа. К таким текстам можно отнести фольклор, а именно народные (не авторские) сказки.

Русский фольклор включает в себя большое количество сюжетов и образов, которые в метафорическом, а часто — гиперболизированном виде отображали социо- и лингвокультурную реальность общества и времени, в рамках которых они возникали и существовали. Поскольку окружающая реальность наполнена противоречиями и бинарными оппозициями аксиологического и этического характера, постольку в фольклорно-сказочной традиции эти антиномии отразились в полной мере. Содержание текстов многих сказок насыщено лексикой и фразеологией вражды в достаточно высокой степени, что характерно и для фольклора, и для эпоса практически всех стран и народов, нередко даже в большей степени, чем русского. В процессе литературной обработки в связи с необходимостью сохранения канвы сюжета и персонажей в текстах сказок сохранялись множественные мотивы и реминисценции первоначального содержания, включающие в себя резкие эмоционально-образные речевые конструкции, которые могут быть квалифицированы, а затем проанализированы в качестве «языка вражды». Однако подобная лексика в рамках фольклорной традиции обладает особой спецификой функционирования по сравнению с другими типами устной и письменной речи.

При всей первоначальной (без литературной обработки) резкости сказочных текстов в большинстве из них явно или скрыто присутствует нравственный конфликт или нравственное наставление. В русских сказках устойчиво варьируется ситуация противостояния и конфликта добра и зла, олицетворениями которого выступают герои и антигерои. В процессе развития сюжета они часто вступают между собой в диалоги, во время которых дают друг другу различные характеристики, где, собственно, и выражается их негативное, позитивное либо нейтральное отношение к собеседнику. Большое значение традиционно придается речи сказителя, создающего фон повествования и разворачивающего сюжет перед мысленным взором читателя/слушателя. Сами представляемые ситуации с уча-

ствием героев обретают нравственную окраску, хотя далеко не всегда словам и действиям сказителем дается эксплицитная оценка.

Общая типология русских сказок основывается на классификации сюжетов по разновидности действия [1] и включает в себя бытовые, волшебные сказки и сказки о животных. В рамках каждого типа присутствуют в большей или меньшей степени сюжеты, основывающиеся на конфликте персонажей — следовательно, в каждом из них можно отыскать вкрапления «языка вражды». Рассмотрим один из известных сказочных сюжетов на предмет наличия и выраженности конфликтной лексики, контекста ее использования и реализованных смыслов.

1. СКАЗКА «ЗАМОРЫШЕК» [2]

1.1. Сюжетный контекст: деятельность главного героя и его братьев, появившихся на свет сказочным образом, в поисках невест, соответствующих числу братьев — 41. Сказка изобилует фантастическими эпизодами — от чудесного появления на свет братьев из 41 куриного яйца, затем — укрощение главным героем волшебной кобылицы, наконец — конь, говорящий человеческим голосом, и пребывание в гостях у первоначально латентно отрицательного персонажа — Бабы-яги. На протяжении большей части сказки никаких признаков конфликтности не наблюдается, равно как и самого отрицательного персонажа. Конфликт обрисован и разворачивается ближе к концу сказки и предстает как достаточно спонтанное, случайное следствие затянувшихся поисков нужного количества невест для братьев главного героя — Заморышка. Конфликт вспыхивает в результате односторонних враждебных действий Бабы-яги.

1.2. Смысловая контекстуализация конфликтных речевых конструкций: скачкообразное проявление конфликтности в завершающей части сказки. Конфликт обрисовывается не столько при помощи специализированной «лексики вражды», сколько за счет образных описаний, лексическое наполнение которых почти не выходит за пределы нормативного общения.

Таблица 1

Конфликтные речевые конструкции в сказке «Заморышек»

№ п/п	Фраза или лексема вражды	Смысловой контекст
1.	незванные-непрошенные	Встречает их Баба-яга: — Ах вы, незванные-непрошенные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?
2.	кричать	Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напои-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.
3.	кричать, рубить, воткнуть	Закричала Баба-яга зычным голосом: — Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы. Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям Бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены...
4.	озлобиться, огонь (огненный щит), смерть (помирать)	Поутру встала Баба-яга, глянула в окошечко — кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда молодцам спрятаться? Впереди синее море, позади Баба-яга — и жжет и палит! Помирать бы всем...
Итого:	9 лексем, маркирующих конфликт	Общее число слов в контекстных фрагментах — 120. Общее количество слов в сказке — 863

1.3. Интерпретация с позиций исследования «языка вражды». Действия отрицательных персонажей в сказке «Заморышек» носят неспровоцированный характер и являются истоком конфликта, равно как и придают ему ту непримиримую форму, которая выражается в словах и действиях всех фигурантов разворачивающегося сказочного сюжета. В данном случае наблюдается употребление прилагательного «незванные-непрощеные» гости из уст негативного персонажа. Оно несет в себе не столько констатацию статуса, сколько априорное обвинение в адрес гостей, что провоцирует конфликт. Если исходить из текста сказки, то его оказывается достаточно, чтобы легитимизировать для Бабы-яги ее собственные действия.

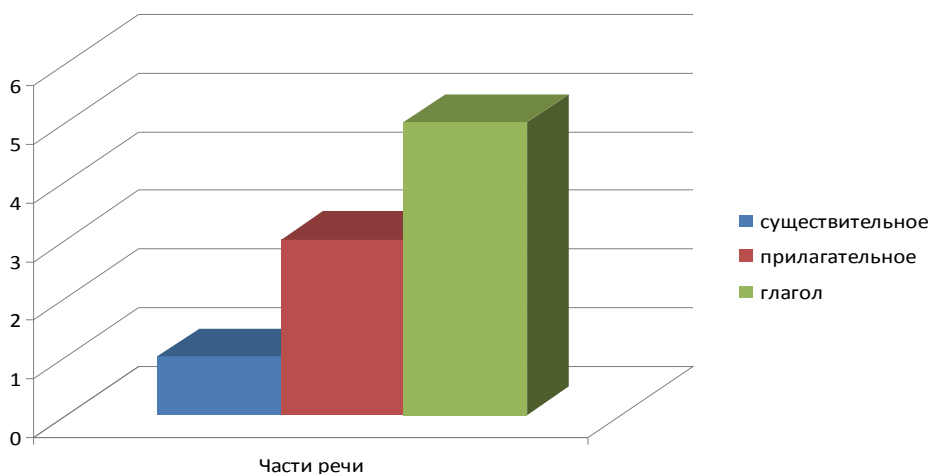
Положительные герои отличаются гораздо большей сдержанностью. Единственным высказыванием, которое они себе позволяют, является относительно нейтральный вопрос: «Чего кричишь?», что можно рассматривать как упрек в нарушении сакральных законов гостеприимства, но не более того. Причем конфликт может показаться исчерпанным после того, как хозяйка долг гостеприимства все-таки выполняет. После первоначального всплеска вербального конфликта следует его резкое сюжетное понижение.

Однако затем происходит следующий, гораздо более острый всплеск враждебности, в котором словесные формы являются только проектом действия. Если при встрече Баба-яга использует прилагательные для выражения своего недовольства, то во втором всплеске использованы глаголы, которые оказываются неразрывно связанными с немедленно последовавшими действиями.

Разрушительное враждебное действие — «рубите головы» — коррелирует с первоначальной отрицательной характеристикой — рубить головы следует *незванным* гостям. Сами положительные герои оказываются фактически свободными от главного негативного действия — головы дочерям Бабы-яги отрубили именно ее слуги и по ее приказу, поскольку дочери были переодеты в одежду гостей. Собственно же враждебное действие со стороны положительных героев заключается в глумлении над героем отрицательным — головы дочерей воткнуты на «железные спицы», по всей вероятности, как доказательство превосходства над противником, который своей неспровоцированной злобой наказал самого себя.

Последующие действия отрицательного персонажа оказываются логически обусловленными предшествующим и маркируются глаголом *озлобиться*, из чего вытекает стремление реализовать первоначальный замысел и уничтожить положительных героев — но теперь не с помощью хитрости, а с помощью волшебных артефактов, каковые также могут стать орудиями конфликта.

Примечательно, что благополучное спасение героев от гибели без уничтожения основного злодея в сюжете сказки выглядит как победа: «Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, Баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали». Объективно, первоначальные цели не достигнуты ни одним из фигурантов конфликта — Баба-яга не сумела уничтожить героев, тогда как братья не выполнили того намерения, ради которого уехали в странствия — они по-прежнему остались неженатыми. Тем не менее, конфликт завершен. Соотношение лексики конфликта по использованию частей речи выглядит в данной сказке следующим образом (рис. 1).

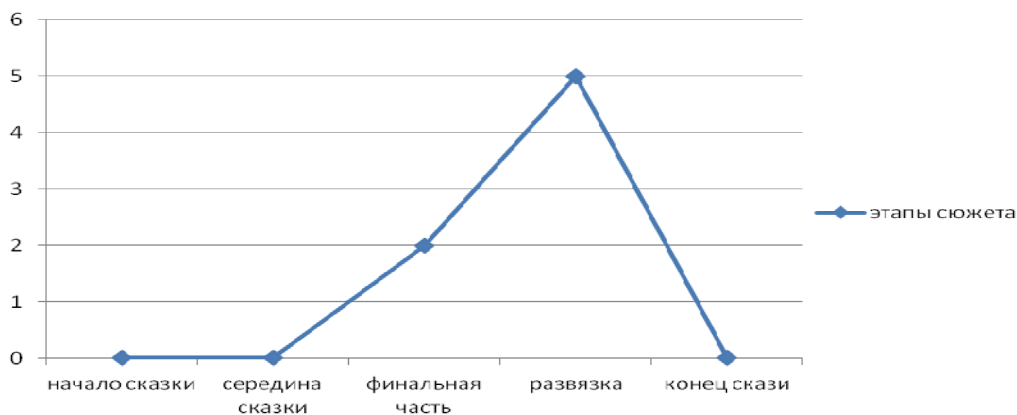
Рис. 1. Частота употреблений частей речи для маркировки вражды в сказке «Заморышек»

Таблица 2

Частота употреблений разных частей речи в сказке «Заморышек»

Части речи	Количество употреблений
Существительное	12
Прилагательное	10
Наречие	1
Глагол	23

ЭТАПЫ СЮЖЕТА

Рис. 2. «Пульсация» конфликта в зависимости от употребления конфликтной лексики по стадиям сюжета

Как видно, частотность употребления глагольных форм конфликтной лексики больше, чем любых других, и составляет в данном случае более половины использованных терминов для маркировки негативных эмоций и действий (5 из 9). Но ритмичность в этой сказке качественно иная — кульминация конфликта наступает ближе к финалу, а сам конфликт характеризуется гораздо меньшей темпоральной протяженностью. Но как закономерный исход враждебности здесь наблюдается «нанесение физических повреждений, несовместимых с жизнью».

Смещение лексики вражды к финальной части сюжета порождает усиленный эффект воздействия — Баба-яга начинает общение с ругательств, выражая свое неудовольствие от прибытия «незваных-непрощеных» гостей.

Таким образом, задается вектор вражды, предопределяющий последующую развязку. Враждебные действия гостей получают легитимацию превентивными враждебными высказываниями и действиями отрицательного персонажа. Хотя в данном случае положительные герои не претендуют на сотериологическую функцию в онтологическом масштабе — перед ними стоит гораздо более прозаическая задача — спасение собственной жизни. По всей вероятности, именно этим и объясняются как отсутствие инвективных определений в отношении отрицательного персонажа, так и «открытый финал», при котором главный и единственный отрицательный персонаж не подлежит уничтожению — предполагается, что наказание/возмездие уже осуществлено.

Так анализ языка вражды помогает выявить феномен соразмерности в действиях конфликтующих сторон. Уничтожение отрицательного персонажа не всегда является желаемой целью героев, о чем свидетельствует сюжетный контекст «языка вражды».

2. СКАЗКА «ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ» [2]

2.1. Сюжетный контекст: сюжет сказки построен вокруг одного из наиболее популярных не только в русском, но и в мировом фольклоре образов — судьба девочки-сироты после смерти матери. Сам конфликт представлен как противостояние кротости, мудрости и трудолюбия жадности, злобе и зависти. Данные негативные качества олицетворяют собой мачеха и две ее дочери.

Конфликт развивается на всем своем протяжении как односторонний. Он представляет собой не единственную сюжетную линию в сказочном тексте — ему предшествует рассказ о собственно сиротстве главной героини, а после исчерпания конфликта следует повествование о пост-конфликтной судьбе. Таким образом, собственно конфликт носит отчетливо «проходной» характер, в принципе биографический сюжет героини мог бы вполне состояться и без него. В таком случае встает вопрос о функциональном назначении конфликтного сюжета, помещенного к тому же в центр повествования. Ведь, как обосновано отечественными филологами и культурологами, в русском фольклоре каждый компонент играет свою, четко определенную роль [1]. Беспольных и излишних элементов в сказочном повествовании не бывает в принципе. Для понимания функционального предназначения конфликтных речевых конструкций обратимся к частотному анализу текста.

2.2. Смысловая контекстуализация конфликтных речевых конструкций: в отличие от рассмотренной выше сказки «Заморышек», конфликт в сказке «Василиса Премудрая» имеет более глубокое обоснование. Если образ Бабы-яги в различных сказках приобретает то отрицательные, то положительные черты, то образ мачехи, подвергающей падчирицу унижениям и стремящейся «сжить ее со свету», традиционен не только для русского фольклора — положительных образов мачехи мы не найдем ни в одной фольклорной традиции.

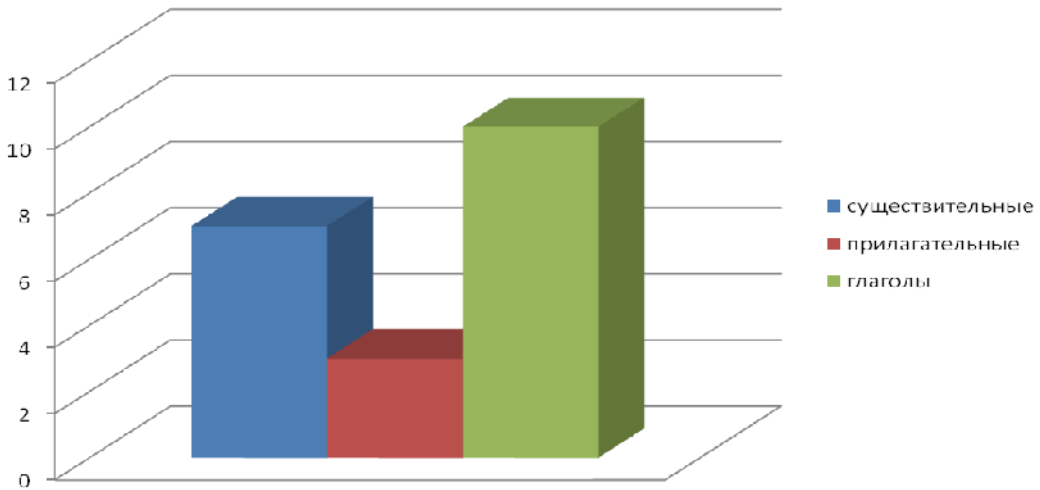
Конфликтные речевые конструкции в сказке «Василиса Премудрая»

№ п/п	Фраза или лексема вражды	Смысловый контекст
1.	мачеха, сестры, завидовали, мучили	Мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!
2.	злость, худела, дурнела	Мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости
3.	злая мачеха гонит...	Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света.
4.	злится, побои	Мачеха злится пуще прежнего, побоями вымещает зло на Василисе
5.	вытолкать...	Вытолкали Василису из горницы...
6.	человечьи кости, черепа, ужас	Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная.
7.	страшный шум	Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает.
8.	съесть	Поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем! Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем!
9.	убирайся от меня, вытолкала	Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных. Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота
10.	сжечь	Глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло
Итого:	20 лексем, обозначающих конфликт	Общее число слов в контекстных фрагментах — 226. Общее количество слов в сказке — 2336

2.3. Интерпретация с позиций изучения «языка вражды». По ходу развертывания сюжета становится очевидным, что импульсы вражды, проявляющиеся в лексической маркировке ситуаций, генерируются явно в одностороннем порядке. Их источниками является мачеха и ее дочери. В то время как главная положительная героиня — Василиса — вообще никак не проявляет своей конфликтной настроенности. Ремарка по ходу повествования о том, что мачеха и ее дочки от злости «дурнели», показывает, что зло разрушительно прежде всего для себя самого, тогда как смирение оказывается лучшей защитой для героини наравне с материнским благословением. Добро в данном контексте вообще не конфликтует, оно просто действует в изначально заданном направлении, как будто не замечая деструктивной деятельности отрицательных героев, которые в конечном итоге наказывают сами себя. Негативные эмоции, вражда вообще маркируются при помощи преимущественно глагольных форм, в то время как прочие части речи по-прежнему играют заметно меньшую роль (рис. 3).

Вражда характеризуется преимущественно стремлением непосредственного нанесения физического ущерба исключительно со стороны отрицательных персонажей. В конечном итоге их конфликтная деятельность приобретает «эффект бумеранга», что также выражается использованием глагольных форм. Василису «вы-

толкали за дверь» — Баба-Яга «вытолкала Василису» — огненные глаза черепа «сожгли мачеху и дочек». Героиня самостоятельно не предпринимает никаких враждебных действий. После гибели отрицательных персонажей конфликт оказывается исчерпанным, сюжет сказки возвращается в тривиальное русло, судьба главной героини движется по восходящей линии.

Рис. 3. Частота употреблений частей речи для маркировки вражды в сказке «Василиса Премудрая»

Таким образом, возвращаясь к вопросу о функциональном предназначении лексики вражды в данной сказке, можно отметить, что ее предназначение — в демонстрации добродетелей главной героини, совокупность которых и является ключевым фактором жизненного успеха. Зло как бы проходит мимо нее и, в конечном итоге, обращается само на себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты анализа двух популярных русских волшебных сказок, можно прийти к следующим выводам.

1. В традициях русского сказочного фольклора «лексика вражды» присутствует как константа.
2. В различных сказочных сюжетах наблюдается различная ритмика употребления конфликтной лексики.
3. Развертывание конфликта инициируется в одностороннем порядке отрицательными персонажами. Их лексика выражает априорное неприятие жизни и добра, в то же время проявляя стремление к уничтожению.
4. Даже при маркировке отрицательных героев можно констатировать сравнительно низкий уровень использования терминов, которые бы указывали на имманентно негативную сущность — гораздо чаще отрицательная характеристика вытекает из действий. Это подтверждается соотношением используемых в качестве «лексики вражды» частей речи.

5. Общее соотношение числовых показателей конфликтной лексики и всей совокупности сказочных текстов оказывается приблизительно одинаковым.

6. Количество лексики вражды в русских сказках относительно невелико. Ее основное предназначение — явно дидактическое и призвано показать разрушительность вражды как таковой.

Соответственно, «лексика вражды» играет роль морального обоснования непримиримой, антагонистической борьбы положительного героя. Понимание роли этого компонента позволяет в большей мере раскрыть мировоззрение народа через лингвокультурологический компонент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Пропн В.Я.* (2002). Исторические корни волшебной сказки [*Propp V. Ya. Historic roots of magic fairytales*]. Москва: Лабиринт.
- [2] URL: <http://www.tale-store.ru/russkie-narodnye-skazki>.

THE VERBAL CONFLICT IN RUSSIAN FAIRY TALES

P.N. Khromenkov

Moscow State Regional University
Radio str., 10 a, Moscow, Russia, 105005
geleiter@mail.com

Deep understanding of folklore is necessary for representation of a language world picture, properly, the language picture of the Russian world. The article is devoted to the analysis of Russian folklore tradition by the example of magic fairy tales from positions of ‘hate speech’ research. Studying of ‘hate speech’ has resulted, on the one hand, from researches within the framework of the linguistic analysis of various kinds of expressive lexicon, on the other — development of the general conflict theory. In the article the lexical component of the conflict is examined, semantic relations inside a conflictogenous situation, role of different parts of speech are described. The analysis is carried out by a method of the quantitative content-analysis. It is revealed, that the lexicon of enmity has a role of a moral substantiation of irreconcilable, antagonistic struggle of the positive character. The understanding of a role of this component allows opening to a great extent people outlook by linguocultural component.

Key words: linguoconflictology, folklore, conflict lexicon, semantics, hate speech